

УДК: 1(091)+378
ББК: 87.3(2)+74.09

Светлана Игоревна Скороходова

Московский педагогический государственный университет, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Россия, Москва, e-mail: moscow.belgrad@mail.ru

Русская философия как ценностно-смысловая основа курса «Основы российской государственности»

Аннотация. Обосновывается необходимость опоры курса «Основы российской государственности» на глубокую интеллектуальную отечественную традицию для формирования целостной картины нашей цивилизационной идентичности. Выявляется мощный мировоззренческий потенциал русской философии, где особое внимание уделяется поискам ответов о смысле жизни, духовной сути и творческой роли человека, призванного стать космическим зодчим. Утверждается, что духовно-нравственная основа, раскрытая в трудах русских религиозных философов, должна стать ядром России будущего. Русская философская традиция рассматривается не в противопоставлении с западной, а в их диалектическом единстве, как взаимодополняющие векторы развития духовного опыта человечества. Эта методологическая установка раскрывается на примере учебного пособия «Мировоззрение и ценности русского мира», вышедшего в 2025 году, в котором обосновывается практическая значимость и актуальность идей российских философов, их проектов грядущей России как ценностных ориентиров, позволяющих сохранить культурно-цивилизационную идентичность в условиях глобализации и антропологического кризиса.

Ключевые слова: культурно-цивилизационная идентичность, философия всеединства, Русский мир, Русская идея, Русский дух, сердечное мышление, русская религиозная философия, самомышление личности

Svetlana Igorevna Skorokhodova

Moscow Pedagogical State University, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Russia, Moscow, e-mail: moscow.belgrad@mail.ru

Russian philosophy as a value-semantic basis for the course «Fundamentals of Russian Statehood»

Abstract. The article substantiates the need to ground the course “Fundamentals of Russian Statehood” in the profound intellectual tradition of Russian thought in order to form a coherent picture of Russia’s civilisational identity. It reveals the considerable worldview potential of Russian philosophy, with particular emphasis on its quest for answers concerning the meaning of life, the spiritual essence of the human being, and the creative vocation of humanity as a cosmic architect. The author argues that the spiritual and moral foundation expounded in the works of Russian religious philosophers should become the core of the future Russia. The Russian philosophical tradition is considered not in opposition to the Western one, but rather in their dialectical unity, as complementary vectors in the development of humanity’s spiritual experience. This methodological approach is illustrated through the textbook *Worldview and Values of the Russian World*, published in 2025, which demonstrates the practical relevance and contemporary significance of the ideas of Russian philosophers. Their visions of a future Russia are presented as value-based guidelines capable of preserving cultural and civilisational identity in the context of globalisation and the anthropological crisis.

Key words: cultural-civilizational identity, philosophy of all-unity, Russian World, Russian Idea, Russian spirit, heart-centered thinking, Russian religious philosophy, the self-reflection of the person

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.3.149-162

Тема настоящего исследования обусловлена введением в вузах нового обязательного предмета – «Основы российской государственности» (ОРГ), призванного сформировать у студентов целостное представление о России как особом мире со своим историческим путем. В содержании этого курса предполагается раздел «Российское мировоззрение и ценностные основания российской цивилизации». Данный блок составляет идеологическую основу дисциплины. Он включает вопросы самобытной интеллектуальной и духовной культуры, национальной идеи. Без последней Россия утратила бы свое смысловое наполнение и превратилась в площадку для безудержных экспериментов, что в конечном счете лишило бы ее не только лица, но и самой возможности существования. Цель исследования – показать, что духовно-нравственная основа русского мира, сформированная исторически, является ядром России будущего и в рамках гуманитарного цикла должна раскрываться через русскую философскую рефлексия.

Одним из примеров системного включения русской философии в преподавание ОРГ стало учебное пособие «Мировоззрение и ценности русского мира» (2025 г.)¹. Оно подготовлено во исполнение поручения Президента РФ от 29.01.2025 (п. 11) и на основе письма Минобрнауки от 21.04.2023. Однако его появление продиктовано не только ведомственными требованиями, но и растущим интересом к поиску цивилизационных ориентиров в условиях глобальной переоценки ценностей. Стоит отметить, что Минобрнауки утвердило лишь общую концепцию курса и методические рекомендации, но не единый учебник – преподавателям предоставлена свобода, а вместе с ней возможна и ответственность за результат.

Хочется согласиться с В.Э. Багдасаряном, что вопросы о мировоззрении и ценностях должны стать «объединяющими элементами» тематических блоков курса ОРГ². Важно при этом формировать представление о том, что это не догмы, а живое проявление нашего исторически сложившегося русского мировоззрения.

В монографии С.Л. Франка «Русское мировоззрение» (1926 г.)³ показано, что отечественная философия является наиболее полным выражением национальной ментальности. Мыслитель обратил внимание на то, что русское любопытство представляет собой не чисто теоретическое, беспристрастное познание, но всегда – религиозно-эмоциональное восприятие и толкование жизни. Русское

¹ Скороходова С.И. Мировоззрение и ценности русского мира: учеб. пособие / авт.-сост. С.И. Скороходова. М.: Перо, 2025. 264 с. [1].

² См.: Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю., арх. Сильвестр (Лукашенко С.П.). Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства России. Ярославль: Шукаева и семья, 2024. С. 239 [2].

³ Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 239 [3].

мировоззрение, по Франку, имеет ярко выраженную практическую направленность и требует осознания творческой глубины человеческого существа. К особенностям русского мировоззрения философ относил интуицию как основу русского мышления, «духовный коллективизм», религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, устремленность к Абсолюту, любовь к свободе, высшими выражениями которой являются свобода духа и стремление к практическому воплощению своих идеалов в истории.

Русская философия, в отличие от западной, обращенной в целом к проблеме познания, всегда ставила в центре вопрос о смысле, причем не только бытия, но и совместного существования. Обучение в рамках разработанного курса должно быть построено не через трансляцию догм, а как «вопрошающее обучение», через ключевые интуиции русских мыслителей. Ценности нельзя передать только через информацию, их можно привить на основе личного опыта. Русская философия от славянофилов до Н.Ф. Федорова всегда настаивала на необходимости цельного познания – умом, сердцем и волей, через теорию и жизнь. Именно поэтому метод постановки и проживания вопросов прямо вытекает из ее сути.

Таким образом, методологически курс должен строиться не вокруг трансляции определений, а вокруг этико-экзистенциальных вопросов, которые раскрываются через дискуссии, кейсы, эссе, мини-проекты. Русская философия дает для этого уникальный инструментарий: принцип соборности (учиться сообща), идею делания (знание через действие), идею всеединства (видеть связь личности с космическим универсумом). Такой подход возвращает образованию его главную цель – становление личности гражданина, а не накопление компетенций.

При этом иррациональное начало, к которому апеллирует курс, не отрицает рационального, а наполняет его, возвращая философскому мышлению ту полноту, которая в академической среде часто остается в тени в силу ее установки на сухой аналитизм. В отличие от западных версий иррационализма, акцентирующих волю, одиночество и бессознательное, русская философская традиция, особенно в линии всеединства, никогда не отвергала разум, а стремилась включить его в более широкий контекст цельного знания, где логика и интуиция дополняют друг друга. Органический характер русской философской мысли изначально предопределил ее ключевой ориентир на концепцию цельного знания, в рамках которого постижение истины мыслится не как абстрактная интеллектуальная процедура, а как холистическое единство разума, чувства и воли, достижимое лишь при духовной чистоте. Именно в этом смысле обращение к наследию русской философии оказывается не шагом назад, а попыткой восстановить синтез логики и интуиции, который в ходе европоцентричного развития философской мысли не всегда получал должное внимание.

Однако учебное пособие «Мировоззрение и ценности русского мира» не ограничивается чисто философским дискурсом. Оно соединяет три разнородных пласта – философские теории, исторические интерпретации и живую современную практику – в единый, логически стройный образовательный организм. Сложность заключалась в том, что каждый из этих уровней оперирует собствен-

ными языком и методологией. В процессе работы над учебным пособием необходимо было установить между ними взаимосвязь без потери академической строгости и фактической точности, чтобы получился именно целостный курс, а не механическая компиляция разнородного материала.

Главная задача состояла в том, чтобы практически выстроить экзистенциальную методику переживания – или, точнее, проживания – ценностей в условиях их глобальной трансформации в современном мире. Каким образом можно заново привить душе те смыслы, которые были утрачены либо пребывают в забвении?

Многие современные исследователи справедливо обращают внимание на «глубинную духовную основу цивилизационного потенциала России»⁴ и призывают включать аксиологический компонент во все сферы жизни общества, включая политику⁵. Однако есть и такие, которые указывают на то, что русский мир, пройдя через «исторический разлом» между дореволюционной и советской Россией, утратил и забыл многие духовные ценности или следует им формально. В частности, Ф.И. Челищев, правнук А.С. Хомякова, считал, что ни распад Советского Союза, ни массовое обращение к дореволюционной культуре и заимствование царской символики не способны восстановить связь времен⁶.

Безусловно, проблема утраты глубинного восприятия духовных традиций остра, особенно когда речь идет об их разрыве с реальной жизнью. Однако, как оказалось, она появилась не в послереволюционную эпоху, но гораздо раньше. Например, в газете «Молва», в № 4 за 1857 год, в передовой статье «Россия» К.С. Аксаков писал о необходимости обратиться «к самым древним основным началам, к жизненным сокам корней своих», видя в этом залог процветания России: «Это уже невозможно для срубленного дерева, но для человека и, следовательно, для народа, к счастью, это возможно» [6, с. 12], – утверждал он⁷. Но даже если кажется, что корни мертвы, что все срублено, – может выстрелить новая поросль. Не из старого ствола, а из спящих почек у основания. Не возврат, а новый побег на прежней основе – вот формула, которая работает и для дерева, и для человека, и для народа. И это, возможно, даже честнее, чем просто возвращение к истокам, потому что «дважды в

⁴ См.: Черемная Т.С. Глубинная духовная основа цивилизационного потенциала России как ключевой фактор ее суверенитета // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: материалы X Всерос. конгресса политологов РАПН с международным участием, Москва, 5–7 декабря 2024 г. М.: ООО Изд-во «Аспект Пресс», 2024. С. 687 [4].

⁵ См.: Черемная Т.С. Духовно-нравственные ценности как неотъемлемый компонент политики России в условиях беспрецедентных внешних вызовов // Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований: традиции и перспективы: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (к 300-летию Российской академии наук и немецкого философа Иммануила Канта). М.: ООО «Сам Полиграфист», Российская открытая академия транспорта, 2024. С. 104–113 [5].

⁶ См.: Голос из прошлого: Стихотворения Ф.А. Челищева с комментариями Н.Ф. Челищева. Лондон: Челищев, 2000. С. 12 [6].

⁷ См.: Аксаков К.С. Россия // Славянофильство: pro et contra. 2-е издание. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 12 [7].

одну реку не войдешь»⁸. Аксаков, как и славянофилы, верил в творческий потенциал народа и возможность возрождения на родовых началах жизни, проявляющихся в связи времен и поколений.

И.А. Ильин предлагал не впадать в отчаяние, но рассматривать историю народа как религиозный опыт, в котором каждое событие таит в себе внутренний смысл, свое задание, свой зов, свою боль, свою духовную проблематику⁹.

Следует добавить, что в основе исторического процесса лежат некие константы, формирующие мировоззренческие и аксиологические установки народа. Именно эти смыслы пытались выявить русские философы – и ныне их творчество становится тем спасательным кругом, за который необходимо держаться.

Русская философия, исходящая из онтологической укорененности духа и «превосходства внутреннего над внешним», принципиально недоступна для субъектов с редуцированной эмпатией и отсутствием способности к духовному усилию, находящихся в состоянии «внутренней пустоты». Напротив, западный позитивизм, как и любой формализм, может быть «вычислен» и применен без включения сердечного ведения. Русская философия ориентирована на внутреннюю глубину, без которой ее восприятие невозможно.

В этом смысле интересен спор о русском духе, суть которого раскрывается в одной из лекций-бесед¹⁰. В учебном пособии речь идет о споре К.Д. Кавелина с И.С. Аксаковым, в котором первый высмеивал «русский дух», хотя, конечно, чувствовал его. Кавелин и сторонники европеизма выбрали иной подход, продиктованный болью за судьбу западной образованности и личности, залогом развития которой, по их мнению, служили внешние свободы и институты. Они опасались, что представители московской школы, апеллируя к «русскому духу», могли подавить наиболее значимые для них ценности, так как это течение ориентировалось на нравственную свободу, опиралось на духовные устои и соборность православной общины. В этом противостоянии заключался экзистенциальный надрыв, а не антропологическая пустота западников: им не хватало метафизической определенности.

Следует добавить, что в исследованиях А. Вежицкой, известного польско-австрийского лингвиста XX века, «русская душа» анализируется как уникальный культурный концепт, не имеющий прямых аналогов в западной традиции. Она относит слово «душа» к одному из ключевых в русском языке, благодаря которому «мы, возможно, будем в состоянии распутать целый клубок “установок”, ценностей и ожиданий...»¹¹. Интересно, что в более поздних работах отечественных ученых утверждается, что в русской языковой традиции душа

⁸ Парафраз фрагмента Гераклита (DK 22 B 12) в русской пословичной традиции.

⁹ См.: Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта [Электронный ресурс] // Азбука веры [Сайт]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilina/aksiomy-religioznogo-opyta/16 [8].

¹⁰ См.: Скороходова С.И. Мировоззрение и ценности русского мира. С. 28–29.

¹¹ См.: Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 37 [9].

подобна материальному органу во внутренней жизни человека, как сердце¹². Кроме того, в отечественной культуре сознание заменяет триаду дух–душа–тело на две оппозиции: дух–плоть и душа–тело¹³.

Однако тому, кто воспринимает душу как атавизм, без эмпатии, совместливого переживания, рефлексии, выражение «русский дух» столь же недоступно, сколь музыкальная гармония – лишенному слуха. Но он его боится: не экзистенциальным страхом, а машинным ужасом перед тем, что не поддается вычислению, как калькулятор, столкнувшийся с бездной, порождающей поиски смыслов, ему неведомых. Русский дух для него – сбой в программе, который надо ликвидировать. Цивилизация полезности задыхается от русского духа, потому что он неуправляем, непредсказуем и в своей глубине – одинок.

Интересно, что самые разные мыслители ставят одинаковый диагноз состоянию, в котором пребывают некоторые люди, живущие лишь рассудком и внешней целесообразностью. В частности, Г.И. Гурджиев характеризовал его как «гипнотическое состояние»¹⁴, тогда как Л. Витгенштейн развивал концепцию смыслового автоматизма. Согласно этим авторам, обычный человек действует неосознанно, словно механизм. Гурджиев прямо говорил о необходимости пробуждения, а поздний Витгенштейн описывал это как работу над собой по устранению языкового гипноза¹⁵. Однако если последний видел решение в чисто лингвистической терапии (прояснение языка), то первый предлагал психофизическую трансформацию через работу. Западный аналитический философ оставался в поле языка и мышления, русский мистик и технолог сознания – уходил в эзотерическую практику. Эта конвергенция привела к неожиданному сближению: оба, пусть и с разных сторон, и с разной терминологией, тосковали именно по живому, ощущаемому присутствию души в человеке.

Их труды – это не просто сухие теории, а, по сути, зафиксированная боль. Гурджиев хотел, чтобы человек столкнулся со своей пустотой и ужаснулся ей – и тогда, может быть, из самой глубины явилась бы искра жизни. Витгенштейн призывал через очищение от ложных проблем добиться тишины, в которой могло бы впервые зазвучать подлинное переживание, как это случилось с ним самим в конце 30-х годов прошлого века: «Но, если мне действительно суждено быть спасенным – то я нуждаюсь не в мудрости, мечтах, рассуждениях, а в уверенности, и эта уверенность – и есть вера. Но вера – это то, в чем нуждается мое сердце, моя душа, а не мой рассудок. Ведь должна быть спасена моя душа...» [13, с. 493]. Впрочем, надежда на возможность перехода от неподлинного к подлинному существованию была близка не только мистикам и философом языка, но и многим русским религиозным мыслителям.

¹² См.: Шмелев А.Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Изд-во «Языки славянских культур», 2012. С. 138 [10].

¹³ Там же. С. 137.

¹⁴ См.: Гурджиев Г.И. Беседы Вельзевула со своим внуком. Минск: Харвест, 1999. С. 493 [11].

¹⁵ См.: Витгенштейн Л. О достоверности / пер. с англ. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гносис, 1994. Ч. I. С. 321–405 [12].

В частности, А.С. Хомякову, который считал, что жизнь человека, погруженного в повседневную суету-«заботу», – бесцельный сон. Только «жизненный подвиг», по его мнению, способен зажечь сердце и пробудить душу. Необходимо «самомышление», которое философ, следуя за Сократом, понимал как важное условие «пробуждения»: в отличие от рационального, отстраненного, опирающегося на внешние формы, оно укоренено в личном опыте. В последнем стихотворении Хомякова «Спи!» (1859 г.) жизнь человека показана как служение, как ежедневный труд – и при этом настойчиво, почти властно звучит призыв к покою, к тишине после сделанного¹⁶. Это произведение стало умиротворенным прощанием философа, который понял, что его миссия завершена. В святоотеческой (включая древнерусскую) и в некоторых других, в том числе восточных, традициях пробуждение возможно только по благодати.

Пробуждение – это всегда про риск: если ничего не отзовется, человек так и останется марионеткой в большом кукольном театре, чьи нити тянут неведомые силы, как писал поздний Платон, уподобляя людей куклам богов¹⁷. Но тогда усилия тех, кто пытался «оживить», не фикция, а тест: кто откликнется, у того есть возможность. В рассматриваемом пособии символом пробуждения являются колокола – их изображение служит визуальным ключом к пониманию текста, открывает перед читателями возможность экзистенциального отклика. Это подлинные колокола храма Христа Спасителя, в которые звонили потомки русских эмигрантов, чьи воспоминания представлены во второй части пособия. И эти реальные колокола превращают символ в событие, служат мостом между текстом и жизнью.

Русский дух в некоторых значениях определяется как способность сохранять человеческое достоинство, даже когда это противоречит личным интересам. Это умение погружаться в экзистенциальную глубину и, пройдя через нее, обретать новый смысл. Данный дух есть одновременно и бремя, и дар. Онтологическая раздвоенность заключается в том, что он лишает человека покоя, делает невозможным существование в модусе обывателя, оснащенного всеми достижениями прогресса, так как порождает тоску по вневременному идеалу. Но именно в этом заключается и его искупительная сила.

Полагаем, что этот загадочный дух функционально подобен даймониону Сократа: не подсказывает выгоду, а отвращает от гибели – и не исчезает даже в случае предательства своего носителя, но продолжает жить в нем как укор или шанс. Этот трагический дар не дает окончательно окаменеть: человек всегда может подняться, даже если упал на дно. Иначе у «живых трупов» (Л.Н. Толстой): они и после падения останутся красивыми, успешными, хотя и мертвыми внутри. В рамках учебного курса ОРГ для студентов важно донести, что люди могут походить как на дорогие айфоны, так и на старые колокола, неотполированные и с трещинами, но способные звучать, даже когда свет бессилен разогнать тьму, – их голоса, словно молитва, обращены к высшей правде и являются залогом ее торжества.

¹⁶ См.: Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 148 [14].

¹⁷ Платон. Законы // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4 / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. С. 71–437 [17].

Так, высказывание А.С. Хомякова в статье «По поводу Гумбольта» (1849 г.) о том, что «история призывает Россию стать во главе всемирного просвещения, она дает ей на это право за всесторонность и полноту ее начал, а право, данное историей народу, есть обязанность, налагаемая на каждого из его членов» [15, с. 174], можно рассматривать как проявление основного признака «русского духа», сформулированного славянофилами, – веры в великую миссию Русского народа. Эта вера – не абстрактная декларация, а фундаментальный ориентир, который определяет содержание, цели и методику преподавания курса ОГР.

«У нас есть благо, залог всех других: у нас есть надежда и мысль о великом назначении нашего Отечества», – писал вслед за В.Ф. Одоевским И.В. Киреевский [16, с. 38]. Славянофилы считали, что такое убеждение не может быть случайным, но при этом они призывали не забывать, что «здоровое понятие о народности ограничивается, с одной стороны, боязнью исключительности, с другой – боязнью слепого подражания»¹⁸.

В дальнейшем, как справедливо отмечал Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.), русские религиозные мыслители XIX века будут прогнозировать руководящее влияние России в жизни Европы и выработку ею высокой формы культуры. «Наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силою братства и братского стремления нашего к воссоединению людей» [18, с. 213], – писал Ф.М. Достоевский¹⁹. Безусловно, задачу всемирного просвещения невозможно осуществить без знания собственной идентичности, самобытной интеллектуальной и духовной культуры.

Идея великого будущего нашего Отечества как духовного просветителя становится архимедовой точкой, вокруг которой выстраивается весь материал. Это не просто утопия, а экзистенциальный ориентир, та цель, ради которой стоит погружаться в историю и культуру России. Именно к такому пониманию и, главное, к такому личностному отношению подталкивает курс ОРГ, опирающийся на русское интеллектуальное наследие: он не навязывает истину, но направляет к самостоятельному выбору определенного экзистенциального идеала.

Таким духовным маяком является Китеж (легендарный невидимый град, ушедший под воду, чтобы не покориться завоевателям), изображение которого неслучайно на обложке учебного пособия. Этот символ олицетворяет собой русский цивилизационный ориентир – невидимый, но живой, сокрытый, но не погибший. Это архетипический сценарий древнерусской духовной культуры, определяющий особое отношение к правде и будущему. Это образ спасения, ставший средоточием веры и молитвенного подвига, код неистребимости через верность себе: катастрофа внешнего мира обернулась сокрытием, а не уничтожением священного центра. Мифологема Китежа задает особую модель выживания и эсхатологической надежды.

¹⁸ См.: Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке // Самарин Ю.Ф. Избранные произведения / сост., вступ. ст. Н.И. Цимбаева; ред. Н.А. Чистякова; примеч. Н.И. Цимбаева, Н.А. Смирновой. М.: Московский философский фонд: Росспэн, 1996. С. 486 [18].

¹⁹ Цит. по: Лосский Н.О. Русский народ // От мессианства до нигилизма. Чем жив русский народ / Николай Лосский, Николай Бердяев. М.: Алгоритм, 2017. С. 135–237 [19].

Враги пришли с мечами и расчетом – и внешне, казалось, победили. Град Китеж не выиграл битву, но не потому, что дрогнул, а потому, что отказался играть в чужую игру, где душа заранее проигрывает: он стал потаенным для завоевателей, ушел из плоскости «полезность – бесполезность» в измерение святости. И это единственно возможная победа души: не отразить удар, а стать просто недоступной для логики завоевателя. Но те, у кого души не спят, могут по-прежнему приобщаться к живой реальности Града. Для позитивиста – это сказка, для нас – идеальный образ души в иллюзорном мире алгоритмов и лоска.

Китежу противостоит образ Атлантиды – символ высокоразвитой, но алчной цивилизации, хищнически стремящейся к самоутверждению за счет порабощения и уничтожения других народов и обреченной на гибель. Так и русская философия противопоставляет западному технократическому проекту живое, соборное, духовное измерение будущего.

Важно донести до студентов мысль, что цивилизация, которая строится на выгоде и расчете, рано или поздно уступит той, где душа жива. В долгосрочной исторической перспективе именно последняя победит, поскольку первая исчерпает себя из-за внутренней пустоты. Люди-функции не способны к духовной регенерации, ведь у них нет источника обновления и возвращения утраченного к жизни: они сами отрицают существование души. В мировом офисе, где все подчинено иерархии и эффективности, нет того, ради чего стоит жертвовать, прощать, терпеть, творить на дистанции в сотни лет, у представителей русского мира – есть. И в этом их метафизическое преимущество, которое неизбежно проявится на поверхности истории, даже если сейчас некоторые не хотят этого признавать. Следует учесть, что граница между двумя системами пролегает не по географической карте, а по внутренней способности человека к экзистенциальному резонансу – слышать звон невидимых колоколов. Разлом между Китежем и Атлантидой, Градом Божьим и градом человеческим пролегает не по территории, а по духу.

Китежу синонимичен по смыслу образ Святой Руси: он как бы ее сгусток и лик, ее сердцевина, от которой расходятся токи культурной и духовной памяти. В работе «Святая Русь и русское призвание» (1915 г.) А.С. Глинка-Волжский писал, что в образе Святой Руси мы постигаем «свое, русское, изнутри, глубинным духовным касанием, интимно и тайнозрительно» [20, с. 140]. Здесь мы видим не то, что дано, а то, что задано. Но это «невыразимое» проглядывает сквозь выражение и вдохновляет на созидательное творчество.

Но Китеж – не музейный экспонат. Образ Святой Руси живет лишь до тех пор, пока есть те, кто готов не просто созерцать его, но жить в соответствии с ним. Исходя из этого, преподавание рассматриваемой учебной дисциплины должно осуществляться таким образом, чтобы обучающиеся могли ощущать себя не просто слушателями, а строителями этого будущего, причастными к большой истории. Они должны перейти от вопроса «что мне даст Россия?» к вопросу «что я могу дать России?». Именно с этой целью в лекциях-беседах раскрываются понятия «русский дух», «русская идея», последовательно сравниваются западная и российская модели мировоззрения – не как враждебные, а как различные по своим глубинным основаниям.

Западные идеологи пропагандируют решение большей части глобальных проблем через контроль народонаселения, восходящее еще к XVIII в., к творчеству «человеколюбивого» священника Томаса Роберта Мальтуса, тогда как русские мыслители охвачены идеей спасения человечества от зла и смерти.

Вопрос о месте России в новой реальности по-прежнему напрямую связан с наличием собственной россиецентричной идеологии, которая должна определяться «почвой», по выражению Н.Н. Страхова, некой природной, социальной и духовной целостностью, складывающейся в ходе реальной исторической жизни²⁰.

Вместо чуждых Российской цивилизации идей необходимо обратиться к своей, исконной. «Русская идея» в контексте отечественной интеллектуальной традиции раскрывала смысл существования России во всемирной истории²¹. Важно то, что «сущностные черты русской идеи не были даны заранее, раз и навсегда, а формировались в процессе многовекового творчества народа, и в этом смысле, по определению И.А. Ильина, “возраст русской идеи есть возраст самой России”»²². М.А. Маслин, современный ученый, справедливо считал, что ядром «русской идеи» является «религиозный мессианизм (христианский)», который был характерной чертой русского самосознания еще со времен Средневековья²³. Именно поэтому в учебном пособии «русская идея» рассматривается в историко-философском контексте, как ценный пласт отечественной мысли, подлежащий не упрощению или идеологизации, а глубокому осмыслению и рефлексии. Исследователю-педагогу важно показать, что это понятие – сложный, многослойный историко-культурный и философский феномен, требующий тщательного текстуального и контекстуального анализа. Для молодого поколения важно воспринимать эту категорию как ключевой элемент интеллектуальной истории России, отражающий ее духовные искания, кризисы идентичности, религиозные и нравственные устремления, особенно ярко проявившиеся в конце XIX – начале XX века. Такой подход лишен как политической ангажированности, так и радикальной деконструкции, но сосредоточен на понимании внутренней логики и смыслового богатства концепции в ее историческом развитии и разнообразии интерпретаций.

К ключевым аксиологическим категориям отечественные философы относили следующие: русский дух; разумная вера; волящий разум; цельность духа; живая совокупность; соборность, духовная трезвость; правда; живознание; самородный корень; народные начала; естественное; семейное начало; сердечная цельность; «любвеобильная связь»; «первозданная неделимость»; «бескорыстная любовь к ближнему». Понятия «сердечное мышление» (А.А. Григорьев) и «созерцающее сердце», «поющее сердце» (И.А. Ильин) – краеугольный камень русской философской традиции, в противовес холодному западному идолу рассудка.

²⁰ См.: Богданов А.В. Почвенничество. Политическая философия А.А. Григорьева, Ф.М. Достоевского, Н.Н. Страхова / под ред. Е.Н. Мошелкова. М.: Воробьев А.В., 2001. 143 с. [21].

²¹ См.: Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. О христианском единстве. Брюссель: Жизнь с Богом, 1967. XXII. С. 219–246 [22].

²² См.: Маслин М.А. Велико незнание России... // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 6 [23].

²³ Там же.

Обращение к традиции «сердечного мышления» в рамках курса ОРГ позволяет превратить процесс обучения во «встречу со смыслом», «вчувствование в предмет» – в историю России, ее культуру, право и духовно-нравственные основы. В этом контексте особенно показательна форма лекций-бесед: она не просто передает информацию, а вовлекает молодежь в живой диалог, обращенный к аксиологическому постижению действительности, где истина не вычисляется, а открывается сердцу. В таком режиме намечается проблемное поле: ключевые символы русской духовной культуры; основные направления мысли; дискуссионные узлы. При этом обучающимся оставляется пространство для «самомышления» – структура курса поощряет независимое мышление, которое предполагает опору на собственный внутренний опыт. Необходимо обеспечить органическое единство деятельности учащихся.

Важно, что теоретические построения опираются на документальную основу – в учебное пособие включены, как отмечалось, подлинные воспоминания репатриантов, чьи свидетельства служат живым подтверждением неистребимости русской идентичности. Эти уникальные материалы показывают, что даже вдали от Родины русские люди сохраняли высокий уровень цивилизационной самобытности, закрепленной в соответствующем коде, языке, культуре и памяти. Факты убедительно доказывают: традиционные ценности способны обеспечить не только выживание диаспор как культурных целостностей, но и успешную трансляцию своего уклада другим народам. Тем самым в учебном пособии не просто излагается теория, она подкрепляется эмпирическими данными, которые придают тексту и научную достоверность, и новизну, и живое, трогательное душу звучание. Это и есть экзистенциальная педагогика: от сердца – к сердцу, от опыта – к смыслу. Но подлинная глубина раскрывается лишь на уровне философской рефлексии, которая, в свою очередь, невозможна без приобщения обучающихся к наследию русских мыслителей. Таким образом, в рассматриваемом учебном пособии теория не иллюстрируется примерами, а органично соединена с реальностью – они неразрывно связаны, образуя живое, работающее целое.

В заключение несколько слов хотелось бы сказать по поводу понятия «русский мир», которое выведено в заголовок и используется в русской философии, в том числе в славянофильстве: это не политический лозунг, а реальная историческая общность, скрепленная языком, традиционными ценностями и исторической памятью. В пособии даются разные интерпретации этого емкого и многослойного понятия, которое не сводится к одному единственному определению. Одно из наиболее содержательных толкований предлагает В.В. Путин: «Русский мир крепится на международном сообществе, объединенном причастностью к России, приверженностью к русскому языку и культуре» [24, с. 5]. Но нам ближе всего образно-экзистенциальный подход, который приглашает к творчеству: русский мир не крепость, которую нужно охранять, а сад, который нужно возделывать каждому поколению заново. И курс ОРГ призван научить студентов именно такому – сердечному, живому, ответственному – отношению к своему культурному и историческому наследию.

В русской философии (особенно у славянофилов, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева) красной нитью проходит идея: смысл жизни русского народа –

не в богатстве или власти, а в воплощении правды–справедливости, нравственного закона в государственном устройстве и в повседневной жизни. Отечественное интеллектуальное наследие выражает софийный характер русского мировоззрения, где все мыслится органично и целостно – в неразрывной связи с космическим универсумом, в котором человек – творец и сын.

В пособии последовательно обосновывается тезис о том, что русская философия – пусть и не исчерпывающим образом – формулирует систему ценностей и смыслов, лежащих в основе устойчивости русской духовной культуры. Показано, как проекты будущего России, выдвинутые отечественными мыслителями, сохраняют актуальность в период цивилизационного сдвига, когда национальная идентичность нуждается в защите и укреплении. И главное – эти идеи «работают» здесь и сейчас, имеют практическое значение, что убедительно демонстрируется без морализаторства в предложенном цикле лекций-бесед. Перед студентами не свод отвлеченных истин, не манифест, а приглашение к размышлению, побуждение к личному выбору.

Именно в этом и заключается ценностно-смысловая основа курса ОРГ – не в заучивании догм, а в диалоге, где каждый студент – соучастник, где наследие не только охраняется, но продолжается, где Китеж ждет своего часа – не на картах, а в тех, кто готов увидеть невидимое и взять на себя труд явления.

Список литературы

1. Скороходова С.И. Мировоззрение и ценности русского мира: учеб. пособие / авт.-сост. С.И. Скороходова. М.: Перо, 2025. 264 с.
2. Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю., Сильвестр, арх. (Лукашенко С.П.). Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства России. Ярославль: Шукаева и семья, 2024. 296 с.
3. Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. 736 с.
4. Черемная Т.С. Глубинная духовная основа цивилизационного потенциала России как ключевой фактор ее суверенитета // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: материалы X Всерос. конгресса политологов РАПН с междунар. участием, Москва, 5–7 декабря 2024 г. М.: ООО Изд-во «Аспект Пресс», 2024. С. 687–688.
5. Черемная Т.С. Духовно-нравственные ценности как неотъемлемый компонент политики России в условиях беспрецедентных внешних вызовов // Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований: традиции и перспективы: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (к 300-летию Российской академии наук и немецкого философа Иммануила Канта). М.: ООО «Сам Полиграфист», Российская открытая академия транспорта, 2024. С. 104–113.
6. Челищев Ф.А. Голос из прошлого: Стихотворения Ф.А. Челищева с комментариями Н.Ф. Челищева. Лондон: Челищев, 2000. 69 с.
7. Аксаков К.С. Россия // Славянофильство: pro et contra. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 1056 с.
8. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта [Электронный ресурс] // Азбука веры [Сайт]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilina/aksiomy-religioznogo-opyta/16
9. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 287 с.
10. Шмелев А.Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Изд-во «Языки славянских культур», 2012. 696 с.
11. Гуджиев Г.И. Беседы Вельзевула со своим внуком. Минск: Харвест, 1999. 1019 с.
12. Витгенштейн Л. О достоверности / пер. с англ. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гносис, 1994. Ч. I. С. 321–405.

13. Витгенштейн Л. Культура и ценность / пер. с англ. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гносис, 1994. Ч. I. С. 407–492.
14. Хомяков А.С. Стихотворения и драмы / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.Ф. Егорова. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1969. 595 с.
15. Хомяков А.С. По поводу Гумбольта // Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. I. М., 1900. С. 143–176.
16. Киреевский И.В. Обзорение русской словесности за 1829 год // Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 2 / под ред. М.О. Гершензона. М.: Путь, 1911. С. 17–42.
17. Платон. Законы // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4 / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. С. 71–437.
18. Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке // Самарин Ю.Ф. Избранные произведения / сост., вступ. ст. Н.И. Цимбаева; ред. Н.А. Чистякова; примеч. Н.И. Цимбаева, Н.А. Смирновой. М.: Московский философский фонд: Росспэн, 1996. С. 486–496.
19. Лосский Н.О. Русский народ // От мессианства до нигилизма. Чем жив русский народ / Николай Лосский, Николай Бердяев. М.: Алгоритм, 2017. С. 135–237.
20. Глинка-Волжский А.С. Святая Русь и русское призвание // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: Изд.-во С.-Петербурга. ун.-та, 2009. С. 733–751.
21. Богданов А.В. Почвенничество. Политическая философия А.А. Григорьева, Ф.М. Достоевского, Н.Н. Страхова / под ред. Е.Н. Мошелкова. М.: Воробьев А.В., 2001. 143 с.
22. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. О христианском единстве. Брюссель: Жизнь с Богом, 1967. XXII. С. 219–246.
23. Маслин М.А. Велико незнание России... // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 3–17.
24. Русский мир в меняющемся мире / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2018. 402 с.

References

(Sources)

1. Khomyakov, A.S. Po povodu Gumbol'ta [Regarding Humboldt], in Khomyakov, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 8 t., t. I* [Complete works in 8 vols., vol. I]. Moscow, 1900, pp. 143–176.
2. Kireevskiy, I.V. Obozrenie russkoy slovesnosti za 1829 god [Review of Russian literature for 1829], in Kireevskiy, I.V. *Polnoe sobranie sochineniy v 2 t., t. 2* [Complete works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Put', 1911, pp. 17–42.
3. Platon. Zakony [Laws], in Losev, A.F., Asmus, V.F., Takho-Godi, A.A. (eds). *Platon. Sobranie sochineniy v 4 t., t. 4* [Collected Works in 4 vols., vol. 4]. Moscow: Mysl', 1994, pp. 71–437.

Individual Works

4. Aksakov, K.S. Rossiya [Russia], in *Slavyanofil'stvo: pro et contra* [Slavophilism: pro et contra]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2009. 1056 p.
5. Bagdasaryan, V.E., Ierusalimskiy, Yu.Yu., Sil'vestr, arkh. (Lukashenko, S.P.). *Traditsionnye tsennosti kak osnova novogo mirovozzrencheskogo stroitel'stva Rossii* [Traditional values as the basis for Russia's new ideological construction]. Yaroslavl': Shukaeva i sem'ya, 2024. 296 p.
6. Bogdanov, A.V. *Pochvennichestvo. Politicheskaya filosofiya A.A. Grigor'eva, F.M. Dostoevskogo, N.N. Strakhova* [Pochvennichestvo. The political philosophy of A.A. Grigoryev, F.M. Dostoevsky, N.N. Strakhov]. Moscow: Vorob'ev A.V., 2001. 143 p.
7. Frank, S.L. *Russkoe mirovozzrenie* [The Russian worldview]. Saint-Petersburg: Nauka, 1996. 736 p.
8. Glinka-Volzhskiy, A.S. Svyataya Rus' i russkoe prizvanie [Holy Rus and the Russian calling], in *Slavyanofil'stvo: pro et contra. Tvorchestvo i deyatel'nost' slavyanofilov v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: antologiya* [Slavophilism: pro et contra. Creativity and activity of Slavophiles in the assessment of Russian thinkers and researchers: anthology]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2009, pp. 733–751.
9. Chelishchev, F.A. *Golos iz proshlogo: Stikhotvoreniya F.A. Chelishcheva s kommentariyami N.F. Chelishcheva* [A voice from the past: Poems by F.A. Chelishchev with commentaries by N.F. Chelishchev]. London: Chelishchev, 2000. 69 p.

10. Gudzhiev, G.I. *Besedy Vel'zevula so svoim vnukom* [Bezelveul's conversation with his grandson]. Minsk: Kharvest, 1999. 1019 p.
11. Khomyakov, A.S. Spi! [Sleep!], in Khomyakov, A.S. *Stikhotvoreniya i dramy* [Poems and dramas]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1969. 595 p.
12. Komarova, G.A. (ed.). *Russkiy mir v menyayushchemsya mire* [The Russian world in a changing world]. Moscow: IEA RAN, 2018. 402 p.
13. Losskiy, N.O. Russkiy narod [The Russian people], in *Ot messianstva do nigilizma. Chem zhiv russkiy narod* [From messianism to nihilism: What keeps the Russian people alive]. Moscow: Algoritm, 2017, pp. 135–237.
14. Maslin, M.A. Veliko neznaniye Rossii... [Great is the ignorance of Russia...], in *Russkaya ideya* [The Russian idea]. Moscow: Respublika, 1992, pp. 3–17.
15. Samarin, Yu.F. Dva slova o narodnosti v nauke [Two words about nationality in science], in Samarin, Yu.F. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond: Rosspen, 1996, pp. 486–496.
16. Skorokhodova, S.I. *Mirovozzrenie i tsennosti russkogo mira* [Worldview and values of the Russian world]. Moscow: Pero, 2025. 264 p.
17. Solov'ev, V.S. Russkaya ideya [The Russian idea], in Solov'ev, V.S. *O khristianskom edinstve* [On Christian unity]. Brussels: Zhizn' s Bogom, 1967, XXII, pp. 219–246.
18. Shmelev, A.D. Dukh, dusha i telo v svete dannykh russkogo yazyka [Spirit, soul and body in the light of Russian language data], in Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D. *Konstanty i peremennyye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow: Izdatel'stvo «Yazyki slavyanskikh kul'tur», 2012. 696 p.
19. Vezhbitskaya, A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through key words]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 287 p.
20. Vitgenshteyn, L. Kul'tura i tsennost' [Culture and Value], in Vitgenshteyn, L. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Moscow: Gnosis, 1994, part I. 544 p.
21. Vitgenshteyn, L. O dostovernosti [About reliability], in Vitgenshteyn, L. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Moscow: Gnosis, 1994, part I. 544 p.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

22. Cheremnaya, T.S. Glubinnaya dukhovnaya osnova tsivilizatsionnogo potentsiala Rossii kak klyuchevoy faktor ee suvereniteta [The deep spiritual basis of Russia's civilizational potential as a key factor of its sovereignty], in *Materialy X Vserossiyskogo kongressa politologov RAPN s mezhdunarodnym uchastiem «Rossiya v politsentrichnom mirovom poryadke: vyzovy i novyye paradigmy razvitiya»*, Moskva, 5–7 dekabrya 2024 g. [Proceedings of the X All-Russian Congress of Political Scientists of RAPN with international participation “Russia in a polycentric world order: challenges and new paradigms of development”, Moscow, December 5–7, 2024]. Moscow: OOO Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2024, pp. 687–688.
23. Cheremnaya, T.S. Dukhovno-nravstvennyye tsennosti kak neot'emlemyy komponent politiki Rossii v usloviyakh bespredsedennykh vneshnikh vyzovov [Spiritual and moral values as an integral component of Russia's policy in the context of unprecedented external challenges], in *Sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nye problemy sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy: traditsii i perspektivy» (k 300-letiyu Rossiyskoy akademii nauk i nemetskogo filosofa Immanuila Kanta)* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference «Current Issues in Social and Humanitarian Research: Traditions and Prospects» (on the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences and the German Philosopher Immanuel Kant)]. Moscow: OOO «Sam Poligrafist», Rossiyskaya otkrytaya akademiya transporta, 2024, pp. 104–113.

(Electronic Resources)

24. Il'in, I.A. Aksiomy religioznogo opyta [Axioms of religious experience], in *Azbuka very* [Faith Primer]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilina/aksiomy-religioznogo-opyta/16